

Валерий Казаков

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Длительное время в советской научной литературе господствовало представление о том, что получающая все более широкое распространение на Западе теория социальных изменений является „совершенно ненаучной” (Семенов, 1965, с. 138), имеет своей целью отрицание прогрессивного характера всемирно-исторического процесса и уже в силу этого противостоит марксизму. В предисловии к межвузовскому сборнику „Критика буржуазных концепций социальных изменений”, выпущенному издательством Ленинградского университета в 1987 г., в частности, отмечалось:

Структура данного тематического сборника строится таким образом, чтобы более подробно, с привлечением конкретного исторического и социологического материала по отдельным регионам и странам, раскрыть теоретическую и методологическую несостоятельность буржуазных концепций социальных изменений, их антимарксистскую и антикоммунистическую направленность (*Критика буржуазных...*, 1987, с. 5).

Однако, такая точка зрения не раскрывает ни причин возникновения теории, ни ее содержания, ни ее сущности, которые не сводятся к противопоставлению марксизму.

Наиболее глубокой исторической причиной возникновения теории социальных изменений является постоянный интерес человека к проблемам движения и изменения. По мнению А. Уайтхеда:

существует два принципа, присущие самой природе вещей, повторяющихся в частных воплощениях, в какой бы области мы не проводили исследование: это принцип изменения и принцип сохранения” (Уайтхед, 1990, с. 263–264),

поэтому „всякая схема анализа природы должна учесть эти два обстоятельства” (Уайтхед, 1990, с. 145). Неудивительно, что всю историю европейского мышления пронизывает тема изменения и движения:

Со времен досократиков, точнее, от Гераклита, с одной стороны (малоазийская школа), и от Парменида и элеатов, с другой (южноитальянская школа), мышление определяли две

концепции и их варианты: что движение и многообразие отражают истинное, а единство и покой – лишь видимость (так полагали Гераклит и его последователи вплоть до наших дней) и что единство и неподвижность суть истинное, а движение и многообразие – лишь видимость – позиция, которую мы хорошо знаем от ученика Парменида Зенона по его апории „Ахиллес и черепаха” (Ц и м е р л и, 1989, с. 239).

То есть в возникновении теории социальных изменений играют роль не только идеологические причины, если они и были.

Становление ее началось с момента вычленения из философии социологии. Создатели последней не могли не уделить внимания столь важной проблеме, как перемены, происходящие в обществе. О. Конт считал, что новая наука методами наблюдения и сравнения должна заниматься исследованием законов исторического развития. Его социальная динамика направлена на описание и обозрение последовательных и необходимых этапов становления разума человека и общества. Характерным для этого процесса является строгий детерминизм в форме неминимости и неизбежности изменения общества под давлением прогресса разума человека, направленного к определенной и заданной цели (относительно способа мышления – к этапу всеобщего позитивизма).

Г. Спенсеру, как утверждают А. А. Ручка и В. В. Танчер, принадлежит приоритет в обосновании „теории эволюционного развития общества, исторически обобщающего, системного подхода к социальным процессам” (Ганчер, Ручка, 1992, с. 95), а его законы социальной эволюции – „главный вклад в историю социологической мысли” (Ганчер, Ручка, 1992, с. 95). Развитие общества, по Спенсеру, предстает не только в виде смены стадий, этапов, но и в виде взаимосвязанных процессов роста (интеграции) и дифференциации, а эволюция – в виде изменения:

социального организма от состояния относительной неопределенности, бессвязности, гомогенности (однородности) к состоянию относительной определенности, взаимосвязанности, гетерогенности (разнородности). Таким образом, увеличение в размере социального организма сочетается с увеличением сложности структуры (Ганчер, Ручка, 1992, с. 95).

Однако в этот период образования теории социальных изменений как специфического самостоятельного направления в социологической мысли еще не происходит. Несмотря на использование в литературе термина „социальные изменения” (например – Спенсер, 1992, с. 116), он не стал еще научным понятием, отражающим и обобщающим наиболее существенные и отличительные признаки этого явления. Его лишь использовали (часто без прилагательного „социальные”) для раскрытия содержания таких категорий как „эволюция”, „прогресс”, „развитие” при

помощи которых происходило объяснение осуществляемых перемен. Это придавало исследованиям не „чисто” социологический, а философско-социологический характер, так как указанные категории включали в себя и мировоззренческое, философское содержание. Для Конта, как и для Спенсера, целью или задачей социологии являлось „изучение истории человеческого рода” (Арон, 1993, с. 90), с их точки зрения она была в состоянии установить, „что есть, что будет и что должно быть” (Арон, 1993, с. 91), она была способна определить как осуществить перестройку общества. Но в этом случае, отмечает Р. Арон, социология переходила „от науки, которая «понимает», к политике, которая «приказывает» или «советует»”, (Арон, 1993, с. 122). Предопределение будущего не сколько в форме необходимости, сколько в форме должествования, оказывалось направленным уже не только на объяснение мира, но и на его преобразование в соответствии с некоей идеей, идеалом или ценностью.

С другой стороны усилия социологов этого периода были направлены на исследование конкретных изменений, происходящих на уровне всего человечества, описание исторически определенных типов общества, представляющих собой особые ступени в его развитии, раскрытие причин и сущности их различия. Так, в соответствии с контовским законом трех состояний мышление человека проходит фазы: от теологической к метафизической и от нее к позитивной, на основе которых возникают определенные типы общества – теологическое или военное, метафизическое или ему современное, научное или индустриальное. По Спенсеру эволюция человечества заключается в его переходе от обществ военного к обществам индустриального или промышленного типа. Такой подход слабо дифференцированный от социальной философии являлся, по существу, с ней тождественным, раскрывал сущность и механизмы происходящих изменений лишь на макроуровне, оставляя вне своего внимания (в рамках этих концепций) изменения на среднем и микроуровнях, не претендуя и не ставя перед собой задачи создания специфического направления в рамках социологии о социальном изменении вообще. И хотя его как логической и связанной системы идей и специфически выработанных понятий не существовало, следует все же отметить, что концепции Конта, Спенсера, Маркса и других создали теоретические предпосылки и поставили, хотя и не явно, вопрос о необходимости создания в рамках социологии теории социальных изменений.

В дополнение к этому, ситуация, возникшая на рубеже XIX и XX в., представляла собой не только кризис отдельных конкретных наук, но и кризис науки вообще. Устарела сама модель кумулятивного развития знания, исходившая из того, что наука есть процесс накопления твердо

установленных раз и навсегда обоснованных и доказанных истин, а ее развитие заключается в накоплении и увеличении количества последних при существовании однозначно определяемых критериев, дающих „возможность четко отделить рациональную науку от нерациональных и иррациональных сфер мышления и деятельности” (Порус, 1992, с. 59).

На основе критики науки, в частности представлений о времени, как монотонной последовательности однородных и внешних друг другу моментов, сформировался интуитивизм и философия жизни А. Бергсона, рассматривающих время „неотделимо от жизни и вместе с жизнью расчленено на качественно гетерогенные моменты, которые и непрерывны, и дискретны по своей значимости, взаимопроникают и дистанцируются друг от друга” (Пгигожин, 1989, с. 20).

Основной причиной кризиса науки можно считать господство в ней старых парадигм, исторически детерминированных глобальных предложений, являющихся „глубинными интеллектуальными структурами, которые остаются инвариантными на протяжении значительных периодов в истории развития научной мысли и определяют общий характер широкого многообразия конкретных проблем и теорий” (Черняк, 1986, с. 57). Как пишет А. Уайтхед, европейское мышление, наука в частности, выросло, с одной стороны, из представлений древних греков о существовании безжалостного хода вещей и неизбежности судьбы (Уайтхед, 1990, с. 60), из их объяснения всех явлений, как „результата некоторого порядка вещей, распространяющегося на все отдельное” (Уайтхед, 1990, с. 60), а с другой стороны, из христианской идеи рациональности бога, упорядоченности каждого элемента бытия (Уайтхед, 1990, с. 68), явившихся причинами возникновения „веры в природную упорядоченность” (Уайтхед, 1990, с. 118). Имевшей большое значение, так как „не может быть живой науки без широко распространенного инстинктивного убеждения в существовании некоторого порядка вещей, и в частности порядка природы” (Уайтхед, 1990, с. 59).

Однако, это убеждение приняло специфическую форму уверенности „в том, что подлинная природа вещей образует мировую гармонию, исключаящую чистую случайность” (Уайтхед, 1990, с. 74), форму жесткого детерминизма, исходящего не только из закономерности и необходимости того или иного явления, но и его обязательной неизбежности. На его основе представление о мире сложилось как об абсолютно точном часовом механизме, „для которого возможно однозначное предсказание будущего” (Пилипенко, Поддубный, Черненко, 1993, с. 11). Эта точка зрения проникла и в общественные науки, в философию, приняв вид так называемой „прогрессивистской

парадигмы”, основными характерными чертами которой, по мнению И. М. Предборской, являются: панрационализм (идея о возможности рационального преобразования общества на основе научного планирования); универсализм (применимость теоретических схем для каждого географического региона, страны, человечества в целом); идея прогресса как магистрального пути эволюции человечества; линейность, непрерывность, униформизм, одномерность, жесткая детерминированность исторических действий (лапласовский детерминизм), последовательность, запрограммированность, плановость, контролируемость, гарантированность существования, понимание развития как естественноисторического процесса (Предборская, 1995, с. 23).

Можно сказать, что черты этой парадигмы проявились в теории О. Конта, что дало основание Р. Арону назвать его „последним сторонником христианского провиденциализма”, творчество которого показывает „как может совершаться переход от интерпретации истории с помощью провидения к интерпретации ее с помощью общих законов” (Арон, 1993, с. 104). В более мягкой форме эта парадигма присутствует в теории Г. Спенсера, который хоть и отмечал, что „социологическое предвидение может быть лишь приблизительным” (Спенсер, 1992, с. 120), но все же исходил из того, что естественная причинность существует и „сочетание сил производит всякое сочетание последствий согласно с законам сил” (Спенсер, 1992, с. 121). Присутствует данная парадигма и в идеях К. Маркса, да и в марксизме вообще, за что он подвергается критике со стороны своих оппонентов. Так, например, К. Поппер отмечает, что Маркс использовал некоторый правдоподобный аргумент, согласно которому наука может предсказать будущее, только если будущее предопределено – если, так сказать – будущее присутствует в прошлом, свернуто в нем.

Это привело его к ложному убеждению, что строго научный метод должен основаться на строгом детерминизме. Марксовы:

неумолимые закону природы и исторического развития ясно показывают влияние на него интеллектуальной атмосферы, созданной П. Лапласом и французскими материалистами. Можно сказать, что вера, согласно которой термины „научный и детерминистический” являются если не синонимами, то, по крайней мере, неразрывно связанными – это один из предрассудков этой эпохи, который неопределен до сих пор (Поппер, 1992, с. 101).

Правда, К. Поппер констатирует, что нельзя в этом обвинять Маркса „поскольку лучшие умы его времени делали то же самое” (Поппер, 1992, с. 102), что было следствием господства в науке „прогрессивистской” парадигмы, некоторую модификацию которой он называет историцизмом.

Вместе с тем говорить в целом, об ошибочности рассмотренной парадигмы можно только не выходя из ее рамок, придерживаясь ее самой. Нельзя ее ни просто так отбросить, ни „снять” в гегелевском смысле, так как она все же описывает и помогает раскрыть механизм, ход, последствия реальных процессов, встречающихся как в развитии природы, так и в развитии общества. И. Пригожин отмечает:

нам давно уже известно, что мы живем в плюралистическом мире, в котором можно обнаружить как детерминистские, так и стохастические явления, как обратимые, так и необратимые процессы. И именно оценки относительной важности этих четырех типов явлений как раз и изменились по сравнению с началом века (П р и г о ж и н, 1989, с. 12).

Детерминистские процессы в любой форме, включая жесткий лапласовский, не исчезли из природы, пришло лишь понимание того, что они не являются всеобщими, тотальными и единственными, как считалось ранее и вытекало из старой парадигмы. Она оказалась недостаточной для исследования нелинейных процессов, неравновесных и „включенных” систем, а также других явлений как природного, так и социального порядка, давая к тому же значительное искажение представлений о них.

Ограниченный познавательный характер старой парадигмы, выразившийся в кризисе науки, проявился и в общественности, включая социологию, в которой он еще более усиливался вследствие ее недостаточной дифференцированности от философии, уже отмеченного использования ее категорий. Среди исследователей это не могло не вызвать неудовлетворенности и попыток исправления ситуации.

Во-первых, это проявилось в тенденции отказа от использования понятий и категорий близких философии, особенно таких как „эволюция”; „прогресс”. Р. Макайвер в 1931 г. писал: „на протяжении последних 10–20 лет среди американских антропологов и социологов вошло в моду отвергать концепцию социальной эволюции” (Макайвер, 1994, с. 78). Эта позиция вызвала стремление к поиску некоего понятия, которое не имея в своем содержании элементов мировоззренческо-философского характера, могло бы заменить подвергаемые критике, и при этом могло бы описать, определить признаки, раскрыть сущность происходящих перемен, выразить и отразить их, а также стремление к созданию целостной концепции изменений, преобразований, осуществляемых в обществе, отдельных его структурных элементах или социальных институтах. Своеобразным рубежом этих поисков стала книга американского социолога У. Огборна „Социальные изменения” вышедшая в 1923 г., благодаря которой термин „Социальные изменения” стал использоваться как научное понятие, имеющее вполне определенное содержание, явившееся резуль-

татом обобщения процессов наблюдения, эмпирического исследования, абстрагирования от хода протекания различных изменений.

Во-вторых, неудовлетворенность появилась в критике старой парадигмы и попытках выявления и очертания основных характеристик новой. П. Сорокин отметил, что с начала XX в.:

теория вечных линейных тенденций все чаще отвергалась и заменялась другой, которую можно было бы назвать принципом предела в линейной тенденции изменения. Согласно данному принципу линейно развиваются лишь некоторые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени, которые различны для разных социокультурных единиц (С о р о к и н, 1994, с. 366).

М. Вебер, отметив, что „число и характер причин, определивших какое-либо индивидуальное событие, всегда бесконечно” (Вебер, 1990, с. 376), подчеркивал, что „изчерпывающее каузальное сведение какого-либо конкретного явления во всей полноте его действительных свойств не только практически невозможно, но и бессмысленно” (Вебер, 1990, с. 376), то есть по его мнению „знание законов причинной обусловленности не может быть целью и является только средством исследования” (Вебер, 1990, с. 377). Этим самым смещались акценты научной деятельности с создания „точных” теорий, выявления „общих” законов, якобы описывающих и содержащих в себе подлинную реальность, на разработку идеальных типов, являющихся лишь средством познания бытия и исследования конкретной и индивидуальной реальности путем их сравнения, сопоставления и измерения. По существу происходил отказ от методологического эссенциализма, связанного со старой парадигмой и направленного на познание сущности вещей, установление общего, универсально закономерного.

Во-третьих, неудовлетворенность проявилась и в отказе многих исследователей от поиска „извечных исторических путей развития” человечества, раскрытия изменений происходящих на макроуровне в пользу изучения изменений в отдельных сферах жизнедеятельности человека, то есть на среднем уровне. Оно осуществлялось в рамках отдельных гуманитарных наук и было связано с различными социодемографическими, экономическими и другого рода исследованиями проводимыми при помощи конкретно-социологических методов. Эти исследования проводились с учетом географических, религиозных, национальных, политических особенностей на базе относительно небольших социальных групп, например польских крестьян, осуществленное У. Томасом и Ф. Знанецким. Такого рода социологические исследования происходящих изменений, широко распространенные и сегодня, часто

осуществляются, с одной стороны методом описания или иллюстраций, а с другой стороны методом сравнения произошедших перемен и установления различий между ними.

Изменения, как и их причины, условия протекания, последствия могут быть весьма многообразны, но при непосредственном их сопоставлении возникает возможность выявления большей оптимальности одного из них по каким-либо переменным (показателям), а значит и возможность непосредственного оперативного устранения конкретных трудностей в процессе происходящих перемен, недопущения или локализации негативных последствий.

В целом такой подход – перенос акцента на исследование изменений в отдельных сферах жизнедеятельности общества – способствовал и стимулировал формирование и развитие теории социальных изменений, положив, по существу, начало специфическому направлению в рамках социологической науки.

Поэтому можно сказать, что формирование теории социальных изменений представляю собой, с одной стороны, вычленение социологии из философии (точнее из социальной философии), их дифференциацию, сопровождающуюся кристаллизацией отличных от философских социологических понятий и категорий. С другой стороны, формирование теории являлось длительным процессом отказа от использования в исследованиях старой „прогрессистской” парадигмы, соединенным с попытками создания новой научной парадигмы, уяснения ее отличительных черт и характеристик, что привело к изменению форм и методов самого социологического теоретизирования. Именно поэтому и в этом смысле теория социальных изменений может служить в качестве методологии или метатеории исследований как в рамках социологии вообще, так и в рамках отдельных ее направлений, например, теории социального конфликта, социологии революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р., 1993, *Этапы развития социологической мысли*, Прогресс, Москва, 608.
- Вебер М., 1990, *Избранные произведения*, Прогресс, Москва, 808.
- Критика буржуазных концепций социальных изменений*, 1987, Издательство Ленинградского Университета, Ленинград, 144.
- Макайвер Р., 1994, *Реальность социальной эволюции*, [в:] *Американская социологическая мысль: Тексты*, Издательство МГУ, Москва, 78–93.

- Пгигожин И., 1989, *Наука, цивилизация и демократия*, [в:] *Философия и социология техники. Ежегодник 1988–1989*, Наука, Москва, 7–18.
- Пилипенко В. Е., Поддубный В. А., Черненко И. В., 1993, *Социальный морфогеиз: эволюция и катастрофы (синергетический подход)*, Наукова думка, Киев, 98.
- Поппер К., 1992, *Открытое общество и его враги*, Т. 2, *Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие*, Культурная Инициатива, Москва, 556.
- Предборская И. М., 1994, *Социальные изменения как проблема социологической теории*, „Философская и социологическая мысль”, Но 3–4, 16–35.
- Предборская И. М., 1995, *Минливсть, социум, людина*, Видавництво „Слобожанщина”. Суми, 136.
- Порус В. Н., 1992, *Системный смысл понятия „научная реальность”*, „Философская и социологическая мысль”, Но 1, 58–72.
- Семенов Ю. Н., 1965, *Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. Критический очерк американских и английских теорий*, Наука, Москва, 300.
- Сорокин П. А., 1994, *Социокультурная динамика и эволюционизм*, [в:] *Американская социологическая мысль: Тексты*, Издательство МГУ, Москва, 358–378.
- Спенсер Г., 1992, *Изучение социологии*, „Философская и социологическая мысль” Но 1, 105–121.
- Танчер В. В., Ручка А. А., 1992, *Г. Спенсер – первый гранд социологии. Жизнь ученого и судьба учения*, „Философская и социологическая мысль” Но 1, 92–99.
- Уайтхед А., 1990, *Избранные работы по философии*, Прогресс, Москва, 720.
- Циммерли В., 1989, *Техника в изменяющемся обществе*, [в:] *Философия техники в ФРГ*, Прогресс., Москва, 528.
- Черняк В. С., 1986, *История. Логика. Наука*, Наука, Москва, 372.

Walery Kazakow

CREATING THE THEORY OF SOCIAL CHANGE

On the one hand creating the theory of social change was connected with separation sociology from philosophy. Sociological notions and categories started to differ from philosophical ones. On the other hand creating the theory was a long process of loosing the old, „progressive” paradigm of social research and creating scientific paradigm by understanding and explaining its specific features. This process influenced the change of forms and methods of the very sociological theorizing. That is why the theory of social change could be used as methodology or metatheory for researches in sociology as such or its particular fields, for example theory of social conflict.

*Walery Kazakow***TWORZENIE TEORII ZMIAN SPOŁECZNYCH**

Tworzenie się teorii zmian społecznych było z jednej strony związane z wyłonieniem się socjologii z filozofii, ich zróżnicowaniem wyrażającym się w krystalizacji socjologicznych pojęć i kategorii, różnych od filozoficznych ujęć. Z drugiej strony tworzenie teorii było długotrwałym procesem wyrzekania się wykorzystania w badaniach starego „postępowego” paradygmatu powiązanych z próbami zbudowania nowego naukowego paradygmatu, wyjaśnieniem jego swoistych cech i charakterystyk, co doprowadziło do zmiany form i metod samego socjologicznego teoretyzowania. Właśnie dlatego i w tym sensie, teoria zmian społecznych może służyć w charakterze metodologii czy metateorii badań, tak w ramach socjologii w ogóle, jak i w ramach jej oddzielnych kierunków, na przykład teorii konfliktu społecznego.